

Как читать *Правду*?

Современные исследователи не обнаруживают документы в том виде, как они дошли до нас, в их изначальном виде или естественном окружении. Они находят их в современных критических изданиях, и «исследование» часто означает лишь поиски наилучшей доступной публикации текста. В развитой дисциплине редко испытываешь нужду вернуться к рукописи – к услугам историков имеются подготовленные компетентными предшественниками издания, вполне адекватно передающие содержание искомого документа. Чем более развита дисциплина, тем большее количество опубликованных текстов она предоставляет исследователю. Чем более важным представляется текст, тем большее количество изданий он выдерживает. Вместе с огромной пользой и удобством критические издания таят и опасность, представляя текст в уже препарированном научной критикой виде, помещённый в сложнейшую сеть научных комментариев. Чем лучше издание, тем более последовательно оно отражает объём всего предшествующего исследования памятника.¹⁰ Словом, исследователь, впервые обращающийся к памятнику, получает не просто его текст – но преимущественно традицию толкования текста, которую часто (как и положено традиции) принимает на веру.

Правда руская – один из наиболее часто репродуцируемых средневековых текстов, созданных в Восточной Европе. Однако многочисленные издания воспроизводят лишь одну интерпретативную модель разделения текста на *Краткую* и *Пространную* редакции, тем самым изначальное устанавливая рамки правильного восприятия и ограничивая пределы возможных отклонений в толковании. Сегодня желающий прочесть КрП едва ли начнёт листать текст *Новгородской первой летописи младшего извода* и тем более не попытается заглянуть в рукописи Академического или Комиссионного списков её.¹¹ Он обратится к одному из многочисленных изданий, где КрП опубликована как *самостоятельный* юридический документ, существующий *вне и помимо* летописи. Хотя в предисловии непременно будет упомянуто, что КрП дошла до наших дней в составе списков НПЛ, *летописное* происхождение текста КрП едва ли оценивается по достоинству как наиболее существенный факт её истории и ключ к уяснению

10 Образцовым (и показательным) в этом отношении представляется академическое издание *Правды* под редакцией Б.Д. Грекова. Весь второй его том составляет последовательный и подробный комментарий к тексту, практически целиком составленный из выдержек (дословных или кратко пересказанных) из работ предыдущих исследователей. Ещё более разительно различаются объёмы текста и комментария в «Хрестоматии по истории русского права» М. Владимировского-Буданова (вып. 1. Изд. 5-е. К., 1879). Здесь комментарий в три – четыре раза превышает объём текста.

11 Любой библиотекарь подтвердит: из трёх томов академического издания наиболее аккуратно и неистрёпанно выглядит последний, где подано факсимильное воспроизведение рукописей *Правды*.

её происхождения. Ещё более очевидно влияние хрестоматий. В течение более чем двух столетий начинающие исследователи средневековой Руси знакомятся с КрП прежде всего как с текстом, находимым среди иных памятников права. К моменту, когда они обнаруживают, что «памятник права» есть только фрагментом летописного повествования и не засвидетельствован нигде, кроме летописи, восприятие уже сцементировано и КрП прочно удерживается в рамках усвоенного убеждения.

Пренебрежение летописным контекстом довольно курьёзно. Ведь сам по себе текст КрП не несёт очевидных признаков её первичности по отношению к ПрП. Всё те же «датирующие» ссылки на времена Ярослава и на времена его сыновей мы найдём и в ПрП. Что же заставляет думать, будто КрП древнее? Положим, глубокое убеждение и длительная традиция. Но откуда впервые возникло такое убеждение? А возникло оно из характерного для историков XVIII в. простодушного отождествления даты летописного сообщения с временем, когда оно записано. Если КрП нашли в статье 1016 г., следовательно, в этом году она и составлена. Это и есть на самом деле *единственный* признак древности КрП. Но это – часть летописного рассказа, никогда не включаемого в публикацию текста КрП. Если представить на минуту, что исчезли летописи и сохранились только публикации *Правды*, нам бы никогда не установить, что *Краткая* правда древнее *Пространной*.

Помимо того, что публикации КрП формируют превратное впечатление о тексте (выдавая его за то, чем он никогда не был), вырывая его из летописного контекста, они ещё и приводят к утрате важнейшей информации о происхождении КрП. Во всех без исключения изданиях КрП фрагменты летописного текста, непосредственно предшествующие КрП и вводящие её в ткань летописного повествования, сознательно опускаются как несущественные для понимания и посторонние для текста. Подобное пренебрежение летописным контекстом представляет собой решающий недочёт всех интерпретаций КрП. Как я попытаюсь продемонстрировать ниже, предшествующий фрагмент летописи представляет собой неотъемлемую часть «документа» и написан как имитация вступительной клаузы уставной грамоты, чей формуляр можно датировать. Таким образом, благодаря эдиционной практике было утеряно наиболее важное свидетельство о происхождении и времени создания КрП.